

ЦВЕТ ЕЁ ГЛАЗ

РОЛАНД Р. ГРИН

Роланд Р. Грин

Цвет её глаз.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63019688

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник из четырёх рассказов, абсолютно разных как по жанру, так и по характеру. «Мороз по коже» – психологический триллер, который погрузит вас в мрачную и гнетущую атмосферу психиатрической лечебницы середины XX века, когда методы лечения душевнобольных пациентов не отличались большой деликатностью и часто носили экспериментальный характер. Рассказ «Покинутые» – фантазия на тему происхождения человеческой расы. «Кара божья» – короткая, но напряжённая и драматическая история простого человека. И наконец «Цвет её глаз» – романтическая история из фэнтези-вселенной «Мир Ринда» (к которой так же относятся «Жертва» и «Дорога приключений») о любви, потере и вечной тоске. Надеюсь, что Вам, дорогой читатель, эти истории понравятся не меньше, чем их автору, и желаю приятного чтения!

Содержание

Мороз по коже	4
I	4
II	9
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Роланд Р. Грин

Цвет её глаз.

Сборник рассказов

Мороз по коже

I

“Доброе утро, мистер Боуман” – произносит незнакомый женский голос. Такой далёкий. Он мне снится? Где я? И кто такой мистер Боуман?

Я открываю глаза. Надо мной высокий серый потолок и такие же серые стены. Мои руки и ноги скованы тяжелыми, пристёгнутыми к поясу ремнями. Но зачем?

Женщина в белом халате стоит рядом. Видимо, медсестра. Я в больнице? Я спрашиваю её. Она отвечает, что это клиника “Корнхилл”. Пытаюсь понять о чём она говорит, но у меня плохо получается. Мне трудно сосредоточиться на её словах.

Сегодня 24 июня 1957-го. Я узнал это от медсестры.

Я ничего не помню. Не помню даже своего имени. Мне страшно.

Я гляжу в окно, чтобы хоть немного успокоиться и привести мысли в порядок.

Женщина в белом халате сказала, что меня зовут Тревис. Мистер Тревис Боуман. Это имя мне ни о чем не говорит. Она могла солгать мне. Что ей стоило? С другой стороны, зачем ей лгать? Но даже если моё имя действительно Тревис, это не так уж важно. Я всё равно не знаю, кто такой Тревис Боуман. Не помню ничего до сегодняшнего утра. Кто я? Откуда? Как здесь оказался?

Ко мне в палату входит невысокий мужчина в засаленном белом халате и очках с толстыми стёклами. Он говорит, что он мой лечащий врач, мистер Пирс. У него на рукаве темное пятно. Готов спорить на пять баксов, что это соус. Доктор Пирс неопрятен. Он мне не нравится.

Он говорит, что я нахожусь на лечении. В психиатрической клинике.

Он спрашивает меня, как я спал. Я отвечаю, что не помню. Кажется, неплохо. Только голова болит немного.

Он спрашивает, помню ли я своя имя.

Я отвечаю, что сестра назвала меня мистер Боуман.

Он спрашивает, что еще я помню.

Я попытаюсь напрячь память, вспомнить хоть что-нибудь. Перед глазами только белая пелена. Единственное, что я помню, это холод. Холод я запомнил отчетливо. Мороз, проходящий через всё тело, через мозг, через позвоночник. От

одного воспоминания об этом холоде моя кожа покрывается пупырышками. Пальцы сжимаются. Мороз пробегает по коже, но это мгновенно проходит.

И еще помню лицо. Женское лицо. Очень красивое. Блондинка. Черты не совсем чёткие. Но в голове крутится имя. Нора. Может быть Нора Боуман?. Это имя кажется смутно знакомым. Я не знаю. Я не в чём не уверен. Я рассказываю доктору Пирсу об этом. Он делает какие-то пометки в своём блокноте.

Я спрашиваю его о причинах моей потери памяти. Он отвечает, что это эффект от лечения. Электро-конвульсивная терапия может повлечь за собой потерю памяти, что и произошло в моём случае. Он уверяет, что об этом не стоит беспокоиться. Память восстановится через несколько месяцев. Терапия поможет мне справиться с пережитым, избавиться от маниакально-депрессивного психоза и, возможно, даже вернёт ясный рассудок.

Я отвечаю, что в моей голове абсолютная пустота, так что ясности там предостаточно. Пирс снова что-то пишет в блокнот.

Я смотрю в окно. Там зелёная трава. Там стая воробьёв уселась на ветку молодого дуба. Птички переглядываются, что-то щебечут. Они абсолютно свободны. Они вольны улететь куда угодно. Как бы я хотел быть таким же как они. Лететь куда захочется. Мои руки скованы ремнями. Я не могу почесать себе нос. Это не приятно. Почему меня держат свя-

занным? Разве я опасен? Что я сделал? Почему меня здесь держат. Я абсолютно уверен, что не сумасшедший.

Могу рассуждать совершенно нормально. В моей голове нет голосов. Я не считаю себя Наполеоном или Линкольном. Не желаю бегать голым по коридору. Что же со мной не так? Спрашиваю доктора Пирса, почему я здесь нахожусь.

Он говорит: “Когда вас доставили сюда, вы находились в крайней степени возбуждения. Ваше состояние оценивалось как тяжелое.”

Спрашиваю: “А что сейчас?”

Он склоняет голову на бок и говорит, о том, что нам предстоит долгий путь к реабилитации.

Хочу знать, почему я связан. Я спрашиваю об этом.

Пирс отвечает, что это для моего же блага. Я ему не верю.

Доктор Пирс задаёт какие-то вопросы. Я не слушаю. Больше не хочу его видеть. Мне плохо. Меня тошнит. Я говорю, что плохо себя чувствую. Доктор Пирс уходит. Сестра в белом халате говорит мне, что обед через час.

Я смотрю в окно. Там пушистые облака лениво плывут по небу. Небо такое голубое и яркое. Совсем как в детстве. Как будто летние каникулы и я лежу на траве и смотрю на облака. Совсем как в детстве, только... решетки.

Проклятые решетки всё портят.

Решетки на окне. Ненавижу решетки и эти ремни. Ненавижу это место. Ненавижу этих людей. Какого чёрта они ме-

ня здесь держат?

II

Психиатрическая клиника "Корнхилл" – унылое место. Стены здесь выкрашены в гадкий бледно желтый оттенок.

Меня отвязали от койки. Я иду в столовую. Мои предплечья привязаны к туловищу, но в остальном я могу двигаться достаточно свободно.

В столовой воняет чем-то отвратным. Может они варят суп из крыс, которых ловят в подвале. Я бы не удивился, если так и было.

Я оглядываюсь вокруг в поисках чего-нибудь или кого-нибудь знакомого. Но не могу найти. Кажется, что я вижу это всё впервые. Я почти уверен в этом. Почти.

Меня окружают очень странные люди. Они все абсолютно разные, но все они похожи друг на друга.

О, да! Видно без всяких диагнозов. Эти люди безумны. Каждый по-своему. Но все они одинаковые. Все они выглядят одновременно жалко и отвратительно. Они сутулые. Передвигаются тяжелой, шаркающей походкой. Лохматые, неопрятные, от них воняет потом. Кожа бледная, как побелка на потолке. Желтые глаза. Желтые зубы. От некоторых воняет мочой. У других течет слюна изо рта. Глаза ничего не выражают. Лица тоже. Абсолютная пустота.

Интересно, я выгляжу так же? Здесь нет ни одного зеркала. Я не могу на себя посмотреть. Наверное, в этом есть

СМЫСЛ.

Я не хочу здесь находиться. Не могу быть здесь. Всё здесь отвратительно. Еда воняет блевотиной. Или мне так кажется. Я уже не знаю. Мне кажется, что всё здесь воняет блевотиной, мочой и клопами. Я не хочу есть. Я хочу посмотреть в окно. В столовой нет окон. Какого чёрта в столовой нет окон?

Ко мне за стол подсаживается высокий мужчина. Я его не знаю. Незнакомец называет меня по имени.

Он говорит: “Тревис! Как дела приятель? Выглядишь дерьмово.”

Я отвечаю, что он и сам выглядит не лучше. Он смеется и качает головой. Затем понижает голос до шепота.

“Я достал то, что ты просил, но не всё. Пока только бумага. С ручкой напряг. Но возможно завтра смогу раздобыть карандаш.”

Передает мне несколько маленьких, сложенных вчетверо бумажных листков.

“Помнишь уговор? Если найдут, ты не знаешь откуда это взялось. Сдашь меня – пожалеешь.”

Я отвечаю ему, что не помню как его зовут, и мне насрать. Он криво улыбается и спрашивает: “Что, настолько хреново?”

Говорю, что даже свое имя запомнить не могу. Теперь понятно, для чего мне понадобились бумага и карандаш. Записывать – хорошая идея, но что, если я не вспомню про свои записи? Просто забуду о спрятанных бумажках. Я поворачи-

ваюсь к этому парню. Прошу об услуге. Я прошу, чтобы он каждый день напоминал мне о том, что я делаю. Он кивает. Полагаться на его обещание нельзя.

Я спрашиваю, знает ли он, почему я здесь. Он говорит, что мне не нужно об этом вспоминать. Я говорю, что я всё равно узнаю, так или иначе. Я прошу его сказать мне. Он молчит. Я не отвожу от него взгляд. Он вздыхает, и начинает:

“Говорят, что ты убил свою жену и двух дочерей. Девочки были совсем маленькими. Ты прикончил их ночью, пока они спали. Говорят, ты вызвал полицию, затем пытался повеситься, но копы успели приехать раньше, чем ты двинул коней.”

Я закрываю глаза. Не могу это слушать. Не могу поверить в это. Что это за бред? Я не хочу верить. Я не могу. Но эта женщина, её лицо. Это лицо является мне, как только я закрываю глаза.

Это всё не правда. Я не мог совершить такое. Боже, как страшно.

Сердце колотится со страшной силой. В горле отвратительный ком. Он мешает дышать. Меня тошнит.

Чувство такое, словно только, что я потерял нечто очень важное. Словно безвозвратно утратил то, что было мне ужасно необходимо. Я не помню свою жену. Я не помню детей. Но несмотря на это я чувствую ужасную боль. Она сжимает сердце ледяными пальцами.

Я чувствую, как мороз пробегает по коже. Мне страшно.

Меня трясёт. Мне плохо. Сильный спазм в желудке, от которого я падаю колени. Меня рвёт на пол. Тело сотрясает дрожь. Меня выворачивает наизнанку. Мне больно и очень противно.

III

Не помню как оказался в общей комнате. Предплечья всё ещё связаны ремнями. Стою перед окном и смотрю на траву во дворе. Трава такая зеленая. Она кажется очень мягкой и свежей. Я хочу прилечь на неё. Хочу снять рубашку, вытянуть ноги и растянуться под солнышком. Чёрт, я бы всё отдал за это. Хочу выйти на улицу. На окнах решетки. Как же я ненавижу эти решетки.

Медсестра раздает таблетки. Подходит ко мне. Кажется, я её знаю. Она была у меня утром. Спрашиваю её, могу ли я выйти на улицу. Говорит, что пока нет. Возможно, позже. Я говорю, что мне нужно выйти сейчас. Она просит меня принять таблетки. Говорит, что со временем мне станет лучше, и тогда я смогу выходить на улицу. Что за бред? Неужели они не понимают, что мне станет лучше, как только я выйду на улицу? Выйду отсюда. Мне нужно выйти отсюда! Сейчас! Я не могу больше видеть эти проклятые решетки. Эти стены. Этих людей.

Сестра повторяет, что я должен принять лекарство. Я не хочу принимать никаких лекарств. По обеим сторонам от меня вырастают двое крепких парней в белых робах. Медбратья берут меня под руки. Сестра говорит, что я не должен сопротивляться. Лекарство нужно принять.

Я понимаю, что у меня нет выбора, открываю рот. Таблет-

ка почти без вкуса. У меня появляется мысль спрятать её под язык. Не знаю, что это за препарат и хочу ли я его принимать. Сестра просит меня открыть рот и поднять язык. Они обращаются со мной словно с ребенком. Это унижительно.

Спрашиваю, что за таблетки. Сестра отвечает, успокоительное. Но разве мне нужно успокоительное? Я спокоен. Да, конечно, всё вокруг мне омерзительно, но разве я не спокоен при этом? Мне кажется, что я веду себя нормально. Может я уже не понимаю, что такое нормально? Мне страшно.

Скоро вечер. Солнце медленно клонится к горизонту. Тени деревьев всё длиннее. Я стою у окна и размышляю. Думаю о том, что каждый человек по-своему безумен, и это безумие дремлет где-то в глубине. Оно просто ждёт своего часа. Стоит лишь переступить незаметную грань и ты соскальзываешь в него, словно в мягкую, вязкую трясину из которой не выбраться. Никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.